

DOI: 10.31857/S013038640020724-4

© 2022 г. М.А. ЮСИМ

МАКИАВЕЛЛИ И ГВИЧЧАРДИНИ О СУДЬБАХ РЕНЕССАНСНОЙ ИТАЛИИ

Юсим Марк Аркадьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: youssimm@mail.ru

Scopus Author ID: 57215208923; ORCID: 0000-0003-4040-5259

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-18-00481 «Межкультурные коммуникации в христианском Средиземноморье в условиях глобальных вызовов XIV–XVI вв.: формы, динамика, результаты».

Аннотация. К началу XVI в. Италия была самой богатой, процветающей и передовой страной Европы, центром католического мира. Однако одновременно здесь развернулись войны соседних держав за господство на полуострове. С одной стороны, это парадоксальным образом способствовало обострению протонационального самосознания, подогреваемое и исторической памятью о былом величии Древнего Рима. С другой стороны, культурная и политическая обстановка требовала осмысления текущего момента и грядущих судеб страны. Наиболее ярко эта проблематика выразилась в сочинениях флорентинцев Никколò Макиавелли и Франческо Гвиччардини, в том числе и в их полемике по поводу того, пошло ли бы Италии на пользу объединение под эгидой одного из ее государств, какова была роль Церкви в истории страны, наконец, не предопределил ли ренессансный расцвет трагических событий начала Нового времени. Оба мыслителя были сторонниками республиканского устройства, но оба в силу обстоятельств были вынуждены сотрудничать с семейством Медичи, представители которого занимали папский трон в 20-х — начале 30-х годов XVI в. Макиавелли в знаменитом трактате «Государь» выражает надежду на объединение Италии под эгидой Медичи. Гвиччардини в своих «Заметках о делах политических и гражданских» и в комментариях к труду Макиавелли об «Истории Рима» Тита Ливия настроен более скептически, по его мнению, ренессансным расцветом Италия обязана своему полицентризму. Названные тексты хорошо известны, но по сей день их трактовка вызывает споры.

Ключевые слова: Италия, Возрождение, Макиавелли, Гвиччардини, Italianские войны, республика, монархия.

M.A. Youssim

Machiavelli and Guicciardini on the Fate of Renaissance Italy

Mark Youssim, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: youssimm@mail.ru

Scopus Author ID: 57215208923; ORCID: 0000-0003-4040-5259

The article was prepared within the framework of the RNF project № 22-18-00481 “Intercultural communications in the Christian Mediterranean in the context of global challenges of the XIV–XVI centuries: forms, dynamics, results”.

Abstract. By the early sixteenth century Italy was the richest, most prosperous and advanced country in Europe, the centre of the Catholic world. Yet, it was the scene of wars fought by neighbouring powers for dominance of the peninsula. On the one hand, paradoxically, they contributed to a sharpening of

the proto-national consciousness, fuelled also by the historical memory of the former greatness of ancient Rome. On the other hand, the cultural and political situation called for a reflection on the immediate situation and the fate of the country. This problem was most clearly expressed in the writings of the Florentines Niccolò Machiavelli and Francesco Guicciardini, including their polemics on whether Italy would have benefited from unification under one of its states, the role of the Church in its history, and finally whether the Renaissance heyday foreshadowed the tragic events of the early modern period. Both thinkers were supporters of a republican order, yet both were forced by circumstances to collaborate with the Medici family. Machiavelli, in his famous treatise *The Prince*, expresses hope for the unification of Italy under the Medici; Ghicciardini, in his *Maxims and Meditations* (Ricordi) and in his commentaries on Machiavelli's *History of Rome* by Titus Livy, is more sceptical; in his view, the Renaissance prosperity of Italy owed much to her polycentrism. These texts are well known and have been evaluated in various ways and are still controversial to this day.

Keywords: Italy, Renaissance, Machiavelli, Guicciardini, Italian Wars, Republic, Monarchy.

Италия, раба, скорбей очаг,
В великой буре судно без кормила,
Не госпожа народов, а кабак!

Данте Алигьери. Божественная
Комедия. Чистилище, песнь VI, 76–78¹

Накануне Нового времени, т.е. к концу XV — началу XVI в., Италия оказалась ареной борьбы между соседними державами, прежде всего Францией и Испанией, за овладение ее территориями, а фактически за гегемонию в Европе. Исторические предпосылки этой борьбы восходят еще ко временам античности, когда Древний Рим расширил свою территорию и свое влияние до пределов тогдашнего европейского мира, сосредоточенного в рамках большого Средиземноморья. Распад Римской империи, образование варварских королевств, восстановление Западной империи и ее конкуренция с Византией не привели к уменьшению значения Италии, находившейся в центре Средиземноморья и издавна привлекавшей к себе внимание соседних народов, колонистов и завоевателей: греков, арабов, лангобардов, франков, норманнов и т.д. После перехода императорского титула к германским королям и одновременного усиления римских епископов, соединивших в своих руках духовную и светскую власть, Италия стала объектом соперничества пап и императоров в ходе так называемого спора за инвеституру.

В Италии, как и в соседних странах, с конца I тысячелетия наблюдался рост городов и локальных территориальных структур, и ввиду отсутствия сильной центральной власти к XIV–XV вв. здесь возникли относительно самостоятельные политические образования, крупнейшие из них: Королевство Неаполитанское, герцогство Миланское, республики Венеция, Генуя и Флоренция; к ним нужно причислить и папский Рим. Наступила эпоха формирования национальных государств путем объединения больших территорий в руках монархов; этот процесс сопровождался династическими распрями, внутренними и внешними войнами, становлением национального и гражданского самосознания. В Италии и в Германии он тормозился вследствие наличия средневековых универсальных центров, папства и империи. Однако в Италии, в силу ее античного наследия и быстрого развития городов, торговли и промышленности, новые тенденции проявились еще раньше, чем у соседей, и нашли свое самое заметное выражение в культурной сфере в виде идеологии Возрождения. Италия по-прежнему привлекала соседние народы как из-за своего богатства, так и культурных, исторических и политических связей.

¹ Ahi serva Italia, di dolore ostello,
nave senza nocchiere in gran tempesta,
non donna di province, ma bordello!
Пер. М.Л. Лозинского.

В Италии, и в первую очередь в колыбели Ренессанса Флоренции, новые тенденции не оставались незамеченными и осмысливались с точки зрения накопленного опыта благодаря наличию исторической традиции, но также и в силу растущих угроз для независимости всего Апеннинского полуострова и его отдельных частей. Разразившиеся в конце XV в. Итальянские войны привели к доминированию на нем Испании и к заметному снижению политического веса Италии на европейской шахматной доске. Тем не менее именно в этот поворотный момент итальянцам было суждено внести свой важнейший вклад в культурную копилку человечества, не уступающий по значению творениям греков и римлян, начиная от поэтов Данте и Петрарки и заканчивая ренессансными гуманистами. В области политической мысли пальма первенства принадлежит флорентинцам Макиавелли и Гвиччардини, оставившим потомкам образчики исторических сочинений и трактатов о государственном искусстве. В данном случае речь пойдет об их размышлениях над судьбами родного города и Италии в целом, что было одним из главных мотивов их творчества. Эти размышления, оставаясь в границах своей эпохи, предвосхищают государственные теории Нового времени и вместе с тем представляют собой поиски выхода из сложившейся кризисной ситуации для отдельного гражданина и страны в целом².

Можно ли говорить о развитии или хотя бы зарождении национальной итальянской мысли применительно к началу XVI в.? В XIX в., в эпоху Рисорджименто, замечательный историк литературы Франческо Де Санктис пишет о Макиавелли как о настоящем итальянском патриоте, а Гвиччардини осуждает за приспособленчество³. Многие вопросы, оставшиеся нерешенными в эпоху Возрождения, сохранялись в повестке дня и 300 лет спустя, хотя и Италия, и мир стали другими.

Влияние и политический вес Католической церкви ослабли, хотя, начиная с Контрреформации, она сумела несколько укрепить пошатнувшиеся позиции: в этом смысле Католическая реформа, как и Реформация и Возрождение, стала одним из общеевропейских движений обновления «средневекового типа» путем «возврата к началу», о котором писал в свое время Макиавелли⁴.

Церковь оставалась одним из препятствий на пути формирования общенационального государства, и проблема получила решение только в XX в. с заключением Латеранских соглашений и созданием независимого Ватикана. В начале XVI в. ренессансное папство могло рассматриваться современниками и как помеха для объединения страны, и как средство для него: Макиавелли говорит о том, что ренессансные папы сами не могут

² О взаимоотношениях Макиавелли и Гвиччардини, а также литературной полемике второго с первым см.: *Cutinelli-Rendina E. Guicciardini Francesco* // *Enciclopedia machiavelliana*. Roma, 2014. P. 685–694 (с библиографией).

³ «Отбросив все сверхчеловеческое, все сверхъестественное, Макиавелли кладет в основу жизни родину. Назначение человека на земле, его первейший долг — это патриотизм, забота о славе, величии, свободе родины. ... Макиавелли... предлагает создать крупное итальянское государство, которое служило бы оплотом против всякого иноземного вторжения. Таким образом, идея родины в его понимании расширяется. Родина — это уже не небольшой город-коммуна, а вся нация». О Гвиччардини: «Если Франческо Гвиччардини сумел верно оценить и точнее почувствовать положение Италии, то только потому, что совесть его к тому времени умолкла, окаменела». *Де Санктис Ф.* История итальянской литературы. Т. 2. М., 1964. С. 76, 83 (1-е итал. изд. 1870–1871). О национальной проблеме в середине XIX в. в Италии и о критических оценках Гвиччардини в этом контексте: *Bondanella P. Francesco Guicciardini in Modern Critical Literature* // *Annali d'Italianistica*. 1984. Vol. 2. P. 7–8.

⁴ «Способ обновления заключается... в возврате к первоначальному состоянию. Всякое учение, всякая республика и всякое царство поначалу необходимо содержат в себе некое благо, с помощью которого они делают первые успехи и первые приобретения. Но поскольку с течением времени это благо подвергается порче, то, если не вернуть его в прежние рамки, оно неизбежно погубит все тело». *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Кн. III. Гл. 1 (*Machiavelli N. Tutte le opere* / a cura di M. Martelli. Firenze, 2018. P. 567).

создать собственное прочное государство и не дают этого сделать другим⁵, и вместе с тем он питает надежду, что благодаря избранию Льва X и Климента VII семейство Медичи станет мотором объединительного движения и освобождения Италии от «варваров»⁶. Антиклерикализм Возрождения, широко распространенный среди интеллектуалов и затронувший даже церковные и околоцерковные круги⁷, входил в противоречие с привязанностью итальянцев к Римской церкви как собственной национальной. Тенденция к образованию национальных церквей вылилась в этот период в заключение конкордатов папства с локальными властями (Вормсский конкордат, Болонский конкордат), что не предотвратило, впрочем, протестантского раскола в Западной церкви. В Италии эти процессы обусловили внешнюю противоречивость в высказываниях и действиях рассматриваемых здесь флорентийских политических писателей. Франческо Гвиччардини в «Записках» признается в том, что «полюбил бы Лютера как самого себя», если бы не был связан службой папам⁸. Здесь давал себя знать и местный флорентийский и общенациональный патриотизм, не говоря и о личных интересах, которые нельзя сбрасывать со счетов. Однако не стоит преувеличивать роль корыстных интересов в поведении как Гвиччардини, так и Макиавелли и тем более механически переносить критерии более близких к нам эпох на оценки далеких. Личная вера и представления о боге, усвоенные с детства и диктуемые социальной средой, могли уживаться со свободным теоретизированием на эти темы в той или иной форме, а также с мыслями и поступками, диктуемыми исторической и политической конъюнктурой. Суждения о взглядах Макиавелли на этот счет противоречивы, но особенно характерен пример Гвиччардини, который был воспитан в благочестивом

⁵ «Первое, за что мы должны благодарить церковь и попов, это за то, что итальянцы потеряли всякое уважение к религии и стали дурными, но они в ответе еще за нечто большее, в нем вторая причина нашей гибели, — дело в том, что церковь держала и продолжает держать страну разобщенной. А единство и благополучие невозможны, если страна не подчиняется одной республике или одному государю, как во Франции и в Испании. В Италии же этого не произошло, правление одной республики или одного государя не установилось только из-за церкви: находясь здесь и имея в ней светские владения, она не обладала такой мощью и доблестью, чтобы установить свою тиранию и стать во главе Италии, но и не была столь слаба, чтобы, из страха потерять светские владения, не призывать для себя защитников против тех, кто слишком возвысился в Италии». *Макиавелли Н. Рассуждения...* Кн. I. Гл. 12 (*Machiavelli N. Tutte le opere...* Р. 351).

⁶ «Трудно выразить, с какой любовью был бы он встречен жителями тех областей, которые пострадали от нахлынувших захватчиков, с какой жадной возмездия, упованием, верой, слезами! Какие двери не открылись бы перед ним? Какой народ отказал бы в подчинении? Чья зависть ему бы помешала? Кто из итальянцев не пошел бы за ним? Всем претит господство варваров. Пусть ваш сиятельный дом приступит к исполнению этого долга с той твердостью и надеждой, с какой приступают к праведным деяниям, тогда под его стягом возродится достоинство Родины и с его помощью исполнятся слова Петrarки:

Доблесть против смуты
Вооружится для недолгой брани,
Ведь срывает пути
Храбрость, что живет в итальянском стане».

Макиавелли Н. Государь. Гл. 26 (Machiavelli N. Tutte le opere... Р. 904).

⁷ Достаточно вспомнить такие разные феномены, как творчество гуманистов, в XV в. тесно связанных с римской курией (например Лоренцо Валлу, разоблачавшего «Константинов дар»), предреформационные проповеди Дж. Савонаролы, движение евангелистов (кардинал Г. Контарини и его единомышленники фактически принимали тезис об «оправдании верой») — впоследствии ряд деятелей этого направления перешел в протестантизм; вообще критику испорченности церковных порядков и призывы к их исправлению, раздававшиеся с разных сторон.

⁸ «Высокое положение, которое я занимал при нескольких папах, заставляло меня любить их величие ради моего собственного интереса; не будь этого, я любил бы Мартина Лютера как самого себя, не для того, чтобы избавиться от правил христианской религии, как она обычно толкуется и понимается, а ради того, чтобы видеть, как скрутят эту шайку злодеев, т.е. как им придется или очиститься от пороков, или остаться без власти». *Гвиччардини Ф. Сочинения / под ред. А.К. Джигелегова. М.; Л., 1934. С. 119–120. «Сочинения» Гвиччардини цитируются по этому русскому изданию, за исключением «Истории Италии» и «Замечаний на “Рассуждения” Макиавелли о Тите Ливии».*

духе (его отец Пьеро симпатизировал Савонароле, однако отказался от духовной карьеры для сына — тот мог унаследовать епископскую кафедру от дяди, что было в обычаях того времени, — именно из нравственных побуждений, потому что «дела церкви были сильно запущены»)⁹. Франческо Гвиччардини, по всей видимости, всегда оставался человеком искренне верующим, что не мешало ему высказывать достаточно крамольные с точки зрения ортодоксии мысли.

Похожая коллизия существует в вопросе о политических пристрастиях Макиавелли и Гвиччардини: общепризнанными являются их республиканские взгляды, но практика жизненного пути обоих, на первый взгляд, противоречит такому тезису. Здесь также, безусловно, нужно исходить из принципа историзма и для начала сделать отступление о том, каковы были представления о республиканизме и монархизме, и вообще о государственности в эпоху Возрождения.

Идея государства как института, существующего в разные эпохи у разных народов и в разных формах, обсуждалась с античных времен, в частности в трудах Платона и Аристотеля¹⁰. В переходный период от Средних веков к Новому времени одним из первых понятие «государство» в таком значении ввел, как издавна считали некоторые историки и политологи, именно Макиавелли¹¹, рассуждавший об *arte dello stato* («государственном искусстве») и о его истоках в человеческом обществе¹². Такое достаточно отвлеченное значение слова *stato* было связано с его пониманием как «владения», т.е. с собственностью на определенную территорию, которая в Средние века предполагала и набор определенных политических прав: права ведения войны, суда, иногда распоряжения имуществом и даже жизнями подданных. Эта патриархально-феодалная идея государства¹³ была привязана к единоличной, монархической форме правления уже в силу того, что собственность сама по себе является отношением между вещью и индивидом, будь то индивидуальный или коллективный субъект. При этом феодальная собственность как раз имела иерархическую структуру и в некотором именно политическом смысле была распределенной¹⁴.

⁹ «Хотя у Пьеро было пять сыновей, он ни за что не хотел, чтобы кто-нибудь из них был священником, так как считал дела церкви сильно испорченными /*transcorse*/ и предпочитал отказаться от крупной выгоды и от надежды сделать из своего сына великого магистра, чем брать на свою душу грех, что он сделал сына священником ради денег или тщеславия; такова истинная причина, его побудившая, а мне пришлось с этим примириться, насколько я мог» (*Гвиччардини Ф.* Сочинения. С. 307). В цитате, приведенной в тексте, я использовал слово «запущенные» вместо «испорченные» дела — имеется в виду отсутствие порядка и разложение в Церкви. Богатая и влиятельная семья Гвиччардини могла отказаться от такого выгодного варианта и позволить себе выбор юридической карьеры для отпрыска, у Макиавелли же было иначе: его семья держалась за место приходского священника, приносившее хоть небольшой достаток (см. о патронате семьи над церковью Сант-Андреа в Перкусине: *Коннелл У.Дж.* Когда Макиавелли написал «Государя»: хронология начала и окончания работы // Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны. М., 2013. С. 44–55, 73). Впрочем, Гвиччардини все равно сделал карьеру на службе папам, хотя и в качестве светского лица.

¹⁰ Они же написали важнейшие труды, осмысливающие роль, функции и типы государств, заложившие основы «политики» и науки о ней: «Государство» (*Πολιτεία*) Платона и «Политика» (*Πολιτικά*) Аристотеля.

¹¹ *Еллинек Г.* Право современного государства. 2-е изд. Т. I. СПб., 1908. С. 95 (Первое нем. изд. 1900). Также см.: Понятие государства в четырех языках / под ред. О.В. Хархордина. СПб., 2002; *Арендт Х.* О революции. М., 2011. С. 400 (Прим. 24 к гл. 1).

¹² О своих занятиях «государственным искусством» (*l'arte dello stato*) Макиавелли упоминает в письмах к Франческо Веттори 9 апреля и 10 декабря 1513 г. См.: *Inglese G.* Per Machiavelli. *L'arte dello stato, la cognizione delle storie.* Roma, 2006. P. 150–155.

¹³ См.: От патримониальной монархии к публично-правовому государству в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н.А. Хачатурян // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Вып. 10 (96).

¹⁴ Средневековые правоведы разрабатывали теорию «разделенной собственности», см.: *Венедиктов А.В.* Избранные труды по гражданскому праву. Т. II. М., 2004, §15–17; *Сказкин С.Д.* Очерки по истории западно-европейского крестьянства в средние века. М., 1968. С. 128–129.

Монархическое начало в идее государственного суверенитета выражалось и терминологически: итальянское слово «синьор» (французский и испанский варианты «сеньор» от лат. «сениор», букв. «старший») соответствует русскому «господин», а суверенная власть обозначалась как «синьория», таково было название флорентийского республиканского правительства. И то, что эта власть осмысливалась как некое подобие монархической, доказывается, например, словами хрониста начала XIV в. Дино Компаньи: «Коммуна была синьором»¹⁵. Ведь синьорами были и феодальные сюзерены ранних городов, графы или епископы, синьорами называли и приглашенных туда извне и не замешанных во внутригородских партийных распри правителей, наконец, тех «тиранов», которые с определенного времени стали захватывать власть в коммунах Средней и Северной Италии. В русских реалиях этому феномену соответствуют такие словоупотребления, как «господин», «господарь» в отношении Новгородской и Псковской республик, не случайно Гильбер де Ланнуа называл Новгород «синьорией»¹⁶. Наряду с таким пониманием государства, ориентирующимся на образ семьи, где властью над неразумными детьми располагают родители — обычно отец, существовало и другое — общинное, «демократическое», порожденное, возможно, «первобытным равенством», если оно было, и в античную эпоху развивавшееся параллельно с ростом городов. Надо сказать, что именно оно породило идею права, как и идею «общего блага», республики («общего дела») и в определенном смысле идею о существовании «государства» вообще как учреждения, порождаемого объективными обстоятельствами, общественными потребностями, в некоторых теориях — общественным договором в противовес представлению о великих основателях, демиургах, но также и реально существовавшим монархиям и деспотиям древности. Именно это «демократическое» понимание идеи государства породило такие термины, как «политика», «полития», «политический», этимологически вытекающие из греческого слова «полис», т.е. город (а оно выражает идею разнообразия, множества, передаваемую наречием «много», πολύ).

Еще раз стоит подчеркнуть, что речь идет об эпохах, когда абстрактная идея государства как института публичной власти, источника и гаранта права еще формировалась, и в соответствии со схемой развития мышления вообще от конкретного к абстрактному¹⁷ она опиралась на два главных типа имевшихся в наличии государственных форм, единоличной и распределенной или разделенной власти, монархии и республики в греко-римском лексиконе. Но в чистом виде таких форм нигде и никогда не существовало, их элементы переплетались. Все это пространное рассуждение клонится к тому, что во времена Макиавелли и Гвиччардини исторически выработанные представления о различии монархической и республиканской формы правления, разумеется, существовали и осмысливались, но подходить к вопросу о том, чему эти писатели отдавали предпочтение, с позиций Великой французской революции или Рисорджименто, было бы неправильно.

Существовали теории о чередовании хороших и дурных форм: монархии — тирании, аристократии — олигархии, народовластия — анархии или охлократии, об их переходе друг в друга, о желательности сочетать все формы в том или ином виде, как в Венеции. Наконец, о биолого-географическом соответствии форм правления «темпераментам» народов, о чем писал и Гвиччардини¹⁸. Все это нужно иметь в виду, когда снова и снова поднимается вечный вопрос о политических симпатиях и антипатиях флорентийских политиков и мыслителей. И Макиавелли, и Гвиччардини, безусловно, симпатизировали

¹⁵ Компаньи Д. Хроника событий, случившихся в его время. М., 2015. С. 35 (кн. II, гл. 18).

¹⁶ “Et est une ville franche et seigneurie de commune, sy ont ung évesque, qui est comme leur souverain”. На русский язык это переведено здесь так: «Это свободный город, имеющий общинное управление. Епископ является как бы их государем» (Мунд С. Описание Новгорода и Пскова в мемуарах Voyages et ambassades рыцаря Гильбера де Ланнуа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 7. С. 50 и прим. 22).

¹⁷ См., например: Выготский Л.С. Психология развития человека. М., 2005. С. 818.

республиканскому строю, как, впрочем, и все флорентинцы, в том числе и члены семейства Медичи до определенного времени. Здесь дает себя знать преимущество, но и, если можно так выразиться, проклятие историка — он осведомлен о том, чем кончились баталии и коллизии прошлого, но это же заставляет его вольно или невольно переносить свое знание на это прошлое, приписывая ему мнения и суждения, которых тогда не было и быть не могло.

В конце XV в. все понимали, что Медичи — наиболее вероятные претенденты на установление в республиканской Флоренции такой же «тирании» или синьории, как в Милане, Болонье или в свое время в Падуе, Вероне и т.д., но Медичи шли к этому осторожно и постепенно, и никто тогда не знал, чем закончится этот процесс. Их изгоняли, против них устраивали заговоры, и сами Медичи по меньшей мере в своих декларациях утверждали, что не покушаются на городскую свободу и что обвинения и прочие антимедичейские меры нарушают их гражданские права. Более того, одна из ветвей семейства носила имя «пополанской», т.е. была приверженной делу народа, и парадокс в том, что первый герцог Тосканский, Козимо Медичи, оказался выходцем именно из нее.

Все это в той или иной степени объясняет позиции и мнения Макиавелли и Гвиччардини в конкретных исторических обстоятельствах их времени, в частности, то, почему между главными трудами Макиавелли, «Государем» (1513–1515 гг.) и «Рассуждениями о первой декаде Тита Ливия» (1519 г.), нет противоречия и почему неверно говорить о его колебаниях между республиканизмом и монархизмом. «Государь», несомненно, был написан в связи с тем, что Макиавелли оказался не у дел и хотел вернуться на службу Флоренции, которой теперь управляли «эти синьоры Медичи». По типу это было скорее монархическое правление, хотя и полуофициальное, опирающееся на власть понтифика Медичи, кстати сказать, тоже не чисто монархическую — папу избирали, его правление было пожизненным и не передавалось по наследству. Своего рода тоже смешанная форма, и Макиавелли не собирался предлагать папам Медичи сделать ее наследственной, понимая, что само по себе папство является помехой на пути объединения Италии. Имея в виду такое объединение, он опирался на свежий исторический опыт семьи Борджиа: Чезаре Борджиа с помощью своего биологического и духовного отца, папы Александра VI, попытался создать собственное королевство в области Романья, формально входившей во владения Церкви. Кстати, Медичи, которые как будто и не заметили поднесенного им бывшим флорентийским секретарем подарка в виде трактата «Государь», в 1516–1519 гг. попытались осуществить заложенную в нем идею, причем в той же Романье, начав с герцогства Урбино. Однако герцог Урбинский Лоренцо ди Пьеро, лишь недавно обретший этот титул, сильно проигрывал Чезаре Борджиа, и затея закончилась ничем.

¹⁸ «Вследствие несчастливой судьбы Италии или физической конституции ее жителей, наделенных умом и силой, ее всегда было нелегко подчинить единой власти (*impero*), даже когда Церковь еще отсутствовала. Более того, Италии всегда было присуще естественное стремление к свободе, и я не думаю, что кто-то когда-то владел всей страной, кроме римлян, подчинивших ее с помощью великого мужества и великой жестокости». Гвиччардини Ф. Замечания на «Рассуждения» Макиавелли о Тите Ливии. Замечания к главе 2 кн. I. Перевод сделан по электронной публикации: Guicciardini F. Considerazioni intorno ai Discorsi del Machiavelli sopra la prima Deca di Tito Livio, которое основано на издании: Guicciardini F. Opere / a cura di R. Palmarocchi. Vol. VIII. Scritti politici e Ricordi. Bari, 1933. Полную цитату см. ниже, ср. прим. 28. Это место обычно трактуется как сомнение Гвиччардини в идее национального единства: «в “Замечаниях на “Рассуждения” Макиавелли” Гвиччардини оспаривает тот факт, что национальное объединение является целью, предпочтительной перед сохранением равновесия между различными существующими политическими образованиями, и высказывает мнение, что независимое развитие отдельных городов и синьорий, будучи источником экономического благосостояния, также больше соответствует древним обычаям итальянцев (in “Considerations on the Discourses of Machiavelli”, Guicciardini contested the fact that the national unification is a better goal, preferred to the balance between the various existing political entities, and sustained the fact that the autonomous development of the various cities and signorie, besides being the source of the economic well-being, corresponded better to the ancient customs of the Italians)». Călina N., Grozoiu L.M. On Francesco Guicciardini’s Thought and Some of his Considerations on Machiavelli // Athens Journal of History. 2021. Vol. 7. P. 260–261.

В «Государе» Макиавелли преследовал несколько целей: дать Медичи наставление в том, как создать собственное «новое правление» в Италии; вернуться на службу, пусть бы даже ему дали «камни катать»; излить свои теоретические мысли и наблюдения в области политики — тут он преуспел больше всего, как выяснилось, увы, уже после его кончины; наконец, наметить путь освобождения Италии от «варваров»: немцев, французов-галлов, даже испанцев. И здесь Макиавелли проявляет себя прозорливым историком, он понимает, что соседние народы идут к национальной (или протонациональной) независимости через сильные монархии; таков был и путь к объединению Италии и Германии три века спустя, в XIX в. Сближение с Медичи для Макиавелли началось только тогда, когда фактическим правителем Флоренции после смерти Лоренцо, герцога Урбинского, в 1519 г. стал кардинал Джулио, с 1524 г. папа Климент VII. Оставаясь на протяжении шести лет не у дел и испытывая понятное чувство уязвленного самолюбия, Макиавелли написал свой самый большой трактат «Рассуждения» в виде комментариев к труду Тита Ливия, снова обобщая уроки древних и политический опыт современности, но в нем содержатся те же положения, что и в «Государе», однако изложенные более пространно и обстоятельно. Есть даже предположение, что автор начал писать «Рассуждения» в 1513 г., но затем прервался для сочинения «Государя» (*De Principatibus*), ведь в тексте последнего есть отсылка к «Рассуждениям»¹⁹. Более того, основные идеи обоих трактатов были набросаны Макиавелли еще в 1506 г. в так называемых «Фантазиях, адресованных Содерини» (*Ghiribizzi al Soderini*), где он рассуждает о том, что к успеху могут вести разные пути, о судьбе, о том, что она благоволит к молодым и напористым, и т.п.

В своих теоретических трудах Макиавелли постоянно сравнивает монархический образ правления и республиканский, точнее, государя и народ (третья политическая сила на публичной сцене — знать). Он обсуждает, кто из этих двух возможных носителей власти разумнее в суждениях, кто неблагодарнее, кто более изменчив и т.д., и часто встает на сторону народа, не забывая отметить, что его мнение нетрадиционно. Но не это главная забота Макиавелли-теоретика, он считает, что как государь-тиран, так и распушенный народ — враги «политического» образа жизни (*vivere politico*)²⁰ и по сути враги свободы, хотя свобода ассоциируется с республиканским устройством. Но если государь соблюдает законы, то его власть вполне приемлема. И в трактате «Государь», и в «Рассуждениях» речь идет вполне в ренессансном духе о разнообразии ситуаций. При основании государства предпочтителен герой-одиночка, предпочтительна единая воля, собственно, первый из этих текстов целиком посвящен действиям «нового государя»: как он приобретает власть, как может ее удержать. Более пассивный, чем государь, «народ» больше заботится о своей «свободе» и о ее сохранении. При этом правитель должен рассматривать народ как материю, для которой приемлема определенная форма: «развращенный» народ нуждается в укрощении, и свобода, республиканская форма для него непригодна. Для нее требуется народ, привычный к свободе и демократическим формам правления, каков был до определенного времени народ римский. Что до основателя, тот должен быть готов к жестоким поступкам, включая братоубийство по примеру Ромула и сыноубийство (история с сыновьями Брута после изгнания римских царей)²¹. На такие поступки способен скорее дурной человек, заботящийся о своей корысти, поэтому случается очень редко, чтобы добродетельный правитель заложил основы государственной жизни, а затем

¹⁹ «Я оставлю в стороне размышления о республиках, потому что много занимался этим в другом месте». Макиавелли Н. Государь. Гл. 18. (*Machiavelli N. Tutte le opere...* P. 806). В «Рассуждениях» (кн. II, гл. 1), в свою очередь, есть упоминание о «Государе» (*nostro trattato de' Principati*) (*Ibid.* P. 464).

²⁰ Выражение *vivere politico*, которое можно перевести также как «гражданское общежитие», Макиавелли относит и к республике, и к монархии, противопоставляя им тиранию. См.: Рассуждения. Кн. I. Гл. 25.

²¹ Макиавелли Н. Рассуждения... Кн. I. Гл. 9, 16.

удалился от дел²². Такова вкратце схема²³, на основании которой Макиавелли выстраивал свою идею об освобождении Италии через ее монархическое (но, возможно, и не обязательно монархическое) объединение, — если бы нашелся благородный герой, подобный древним римлянам, который подчинил бы себе все разрозненные итальянские земли, а затем отказался от диктатуры, это был бы наилучший вариант. Но сам Макиавелли, очевидно, понимал, что такое строительство воздушных замков утопично, тем более что сам он заявляет в «Государе», что ищет «настоящей правды вещей» и воображаемых республик не описывает²⁴. Таким образом, его планы основывались на компромиссе между желаемым и действительным.

Еще более критически относился к этим планам младший и более влиятельный современник Макиавелли Франческо Гвиччардини, который мыслил сходным с ним образом, имея похожий культурно-исторический и политический умственный багаж, но при этом критиковал своего друга и коллегу за склонность к отвлеченным рассуждениям²⁵, — Гвиччардини был еще сильнее привязан к «разнообразию»²⁶. Во времена Коньякской лиги оба политика вместе работали фактически на осуществление описанных выше далеко идущих планов под эгидой папы Климента VII Медичи в союзе с французами (которые в итоге ничем не помогли) против испано-габсбургского блока императора Карла V. Эта попытка привела к краху папы, разграблению Рима в мае 1527 г. и изгнанию Медичи из Флоренции. Для Макиавелли не нашлось места в восстановленной республике, но скорее всего не из-за сотрудничества с ненавистными синьорами, потому что при новом достаточно умеренном правительстве (как и прежде при реставрации Медичи в 1512 г.) многие чиновники продолжали с этим правительством работать. Макиавелли был слишком неудобным и слишком самостоятельным политиком. Через месяц он умер. Гвиччардини постепенно отдалялся от республиканских властей по мере их радикализации и обострения конфликта с папой, примирившимся с императором. Во Флоренции он оставался не у дел и, как некогда его приятель, обратился к литературному творчеству. Ухудшение политической ситуации объясняет нарастание пессимизма в его сочинениях и усиление критических интонаций по отношению к тезисам Макиавелли, в частности в написанных Гвиччардини примерно в 1528–1529 гг. «Замечаниях на “Рассуждения” Макиавелли о Тите Ливии». Было бы неправильно, однако, толковать их исключительно на основании но-

²² Там же. Гл. 18. «Так как возродить республику к политической жизни может только хороший человек, а стать ее государем путем насилия может только дурной человек, то в высшей степени редко случается, чтобы хороший человек захотел прийти к власти дурным путем, хотя бы и ради благой цели, и злодей, став государем, начал творить добрые дела — ему никогда не взбредет на ум употребить во благо власть» (*Machiavelli N. Tutte le opere...* P. 368).

²³ Позднее возникла еще одна версия толкования «Государя» как скрытой сатиры на «тиранов»; почву для нее создали некоторые действительно двусмысленные с точки зрения универсальной морали положения трактата, связанные с двойственной природой государства (государь — кентавр, иногда действующий в соответствии с человеческими законами, иногда подражающий зверям, льву и лисице). Сам Макиавелли, обидевшийся на Медичи, давал, по слухам, повод для подобной трактовки: «Никколо Макиавелли поднес [Лоренцо ди] Пьеро Медичи свою книгу “Государь”. К несчастью для него, в это же самое время Лоренцо была подарена пара охотничьих собак, и он высказал этому дарителю большую благодарность и говорил с ним более дружелюбно, чем с Макиавелли. Поэтому Макиавелли ушел оскорбленным. И он как-то сказал в кругу друзей, что сам он не из тех, кто устраивает заговоры против правителей, но все же, если [Медичи] будут следовать его наставлениям [в “Государе”], то они познакомятся и с заговорами. Он имел в виду, что книга отомстит за него». *Machiavelli N. Lettere familiari* / ed. E. Alvisi. Firenze, 1883. P. XIV, см. также: *Коннелл У.Дж.* Указ. соч. С. 70–71.

²⁴ Макиавелли Н. Государь. Гл. 15.

²⁵ О взаимоотношениях и полемике двух политических писателей см. статью: *Cutinelli-Rendina E.* Op. cit. P. 685–694 и приведенную в ней библиографию (p. 693–694).

²⁶ О стремлении к «разнообразию» (*varietà*) в ренессансной культуре писал Л.М. Баткин: «Люди культуры Возрождения... не обсуждали проблем личности, но их интересовало “разнообразие”. ... Всеобщность выступает как “разнообразие”, замещается им, восходит к нему» (*Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. С. 48, 81).

вой конъюнктуры, поскольку Гвиччардини, пусть и под ее влиянием, предлагает несколько иной взгляд на итальянскую ситуацию того времени. Сегодня мы, разумеется, по-своему размышляем над тем, что было предопределено и что было возможно, что было неизбежно и что можно было исправить, — историки, как говорилось выше, знают, «чем кончилось». Но ставить такой вопрос они, как и современники событий, должны, иначе без такого «солагательного наклонения» в истории она теряет свой смысл как наука, да и как рассказ.

Гвиччардини размышляет довольно осторожно, гипотетически, как теоретик: «Однако я не знаю, послужило ли отсутствие монархии (*monarchia*) процветанию или неблагополучию нашей страны (*provincia*), ибо если бы владычество одной из республик (*una republiка*) могло принести Италии славу, а этому городу благоденствие, то другим всевозможные несчастья, потому что, находясь в его тени, они никогда не достигнут величия, ведь республики не делятся плодами своей свободы и власти ни с кем, кроме собственных граждан»²⁷.

И хотя Италия, разделенная на множество владений, претерпела в разные времена немало бедствий, которых при едином правителе, возможно, и не испытала бы (но нашествия варваров пришлось большей частью на пору Римской империи), тем не менее за все эти многие годы в ней появилось столько цветущих городов, сколько при единой республике не было бы.

Поэтому, я полагаю, монархия принесла бы Италии скорее неприятности, чем счастье. Этот довод не имеет силы в случае с королевством, где все подданные более или менее равны, поэтому Франция и многие другие страны (*provincie*) при короле благоденствуют, однако вследствие несчастливой судьбы Италии или физической конституции ее жителей, наделенных умом и силой, ее всегда было нелегко подчинить единой власти (*impero*), даже когда Церковь еще отсутствовала. Более того, Италии всегда было присуще естественное стремление к свободе, и я не думаю, что кто-то когда-то владел всей страной, кроме римлян, подчинивших ее с помощью великого мужества и великой жестокости. Но после того, как республика утасла и императоры лишились былой доблести, власть в Италии была утрачена»²⁸. В качестве объяснения такой неординарности Италии Гвиччардини приводит здесь уже упоминавшийся выше географически-натуралистический довод о темпераменте ее жителей.

В воображаемой обвинительной речи в собственный адрес, написанной юристом Гвиччардини на досуге примерно тогда же, нотки раздражения и разочарования звучат сильнее: «Не наше дело было предписывать законы Италии, не нам быть учителями и цензорами и решать, от кого Италия должна избавиться; нечего нам было вмешиваться в споры между величайшими королями христианского мира; нам следовало быть в ладу со всеми, дабы наши купцы, которыми мы только и живы, могли безопасно путешествовать

²⁷ Эту последнюю мысль Макиавелли развивает в комментируемой Гвиччардини главе «Рассуждений»: «Но из всех видов жестокого рабства жесточайшее то, которое на тебя налагают республики. Во-первых, потому, что оно более продолжительно и не оставляет надежды на спасение; во-вторых, потому, что цель республики — истощить и вытянуть все соки из других тел, чтобы напитать свое собственное. Покоривший тебя государь не станет так поступать, если это не варвар, стирающий с лица земли страны и рассеивающий все человеческие сообщества, каковы восточные владыки» (*Макиавелли Н.* Рассуждения. Кн. II. Гл. 2; *Machiavelli N.* Tutte le opere... P. 470–471).

²⁸ *Гвиччардини Ф.* Замечания на «Рассуждения»... А.К. Дживелегов в своем предисловии к изданию «Сочинений» Ф. Гвиччардини 1934 г. дает собственный перевод части этого отрывка со следующим примечанием: «Я сгладил, чтобы не пришлось долго комментировать, разграничение между монархией и республикой, проводимое здесь Гвиччардини и не имеющее значения для его основной мысли». *Дживелегов А.К.* Предисловие // Гвиччардини Ф. Сочинения. С. 51. Но здесь интересно как раз словоупотребление слова «республика» в качестве синонима «государства». Начав фразу с упоминания о монархии, он переходит к терминам «город» и «республика», таким образом, монархия выступает в качестве одной из форм управления государством («городом», «республикой») — одна из итальянских республик, подчинив себе остальные, выступила бы в роли единоличной правительницы, монархии.

Здесь речь идет прежде всего о родной для Макиавелли и Гвиччардини Флоренции, которая стала бы неформальной, а скорее всего и формальной монархией Медичи, но на роль объединительницы, возродившей древнюю империю, могла претендовать и Венеция.

повсюду»²⁹. (Но следует иметь в виду, что это все-таки доводы воображаемого обвинителя, — кроме этого текста, сановник папы написал еще и защитительную и утешительную речи: *Accusatoria, Difensoria, Consolatoria*).

Как бы то ни было, в приведенных цитатах мы находим две точки зрения современников на пути возможного объединения Италии в начале XVI в., вероятно, экстраполируемые и на будущее, т.е. имеем дело с некоторым «протоциональным дискурсом», как принято говорить в сегодняшней научной литературе.

В отечественной историографии вопрос о взглядах Макиавелли и Гвиччардини на объединение Италии разбирал В.И. Рутенбург. Он считал, что у первого из них не было конкретного плана, а лишь призывы к установлению сильной власти, в то время как второй развивал более приземленные идеи. «Проект конфедерации итальянских государств имел, казалось, более реалистические основания, чем объединение их в единое централизованное государство типа абсолютистской Франции. Гвиччардини, выступивший в XVI в. за конфедерацию как тип государственного устройства Италии, проявил немалый политический реализм. ... Исторический опыт показал, что фактически именно такого типа объединение и произошло в XIX в. и что поныне Италия переживает процесс эволюции страны от конфедерации к полному объединению»³⁰. Макиавелли же, по мнению В.И. Рутенбурга, определил ту форму, которая указывала разобщенным итальянским государствам путь к единству — региональный абсолютизм. «Практическим же путем к объединению стала не олигархическая республика, предлагавшаяся Гвиччардини для Флоренции ... а региональные абсолютистские государства типа созданного Медичи Великого герцогства Тосканского, как относительно более прогрессивная форма государства, гарантировавшая ему в XVI—XVII вв. относительно более прогрессивную политическую независимость и экономическое развитие. ... Гвиччардини предугадал конфедеральное развитие Италии, Макиавелли открыл реальную форму итальянских государств для XVI—XVII вв.»³¹. Эти тезисы достаточно противоречивы, во-первых, потому, что объединительницей Италии стала все-таки монархия, как и в других странах Европы, а во-вторых, поскольку Макиавелли, как было сказано выше, принимал такой компромиссный политический вариант именно в надежде на обретение единства, и Гвиччардини до определенного времени не просто разделял эту идею, но и активно работал вместе со своим другом над ее воплощением.

Однако здесь нас интересует развитие мысли Гвиччардини в дальнейшем, *post res perditas*, когда он на досуге обратился к литературному творчеству и подверг критике концепцию Макиавелли, о чем свидетельствуют его «Замечания» к «Рассуждениям» последнего (см. выше и прим. 25). Разумеется, в начале XVI в. он не мог знать, как и когда Италия придет к новому объединению, хотя универсальным примером тогда могла служить и служила античная Римская империя. Он не мог знать, какое значение будут придавать потомки эпохе Возрождения, как и о том, что в разное время будут выдвигаться проекты новых Римов: второго, третьего или четвертого. Для Гвиччардини Рим был один и продолжал существовать пусть и в не столь величественном виде. Говорил ли он о «конфедерации»? Монументальный труд Гвиччардини «История Италии» начинается с рассуждения о политическом состоянии страны к концу XV в.: «Поскольку Фердинанд [Неаполитанский], Лодовико [Моро] и Лоренцо [Медичи Великолепный] в силу отчасти сходных, отчасти различных причин питали одинаково мирные намерения, оборонительный союз, заключенный от имени короля Неаполитанского Фердинанда, герцога Миланского Джован Галаццо и Флорентийской республики, удавалось поддерживать без труда. Этот союз, существовавший уже много лет назад, а затем по разным причинам распавшийся, был возобновлен в тысяча четыреста восьмидесятом году на двадцать пять лет при участии почти всех второстепенных властителей Италии. Главной его целью было не допустить усиления венецианцев, каковые были, несомненно, сильнее каждого из членов союза, но намного

²⁹ Гвиччардини Ф. Сочинения. С. 470. Любопытно, насколько хорошо Гвиччардини понимает экономическую природу флорентийского процветания.

³⁰ Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. СПб., 1991. С. 96—97.

³¹ Там же. С. 97.

слабее всех их в целом и не следовали общей линии; они рассчитывали на разлад и ссоры среди союзников и ожидали удобного случая, который расчистил бы им путь к овладению всей Италией»³². Словом «союз» здесь переведено итальянское *confederazione*, чтобы не преувеличивать институциональную сторону дела, но тем не менее. Уместно отметить, что одной из целей было не допустить гегемонии какого-то из государств, прежде всего Венеции. При этом Гвиччардини подчеркивает роль Флоренции и Лоренцо Медичи в выработке такой политики. Но подобная конфедерация соперничающих между собой государств была бесконечно далека от политического сплочения, скорее можно говорить о складывании системы локального равновесия на Апеннинском полуострове, предвосхищавшей некоторые принципы Вестфальской системы, установившейся после Тридцатилетней войны в Европе. В случае с Италией это равновесие, о котором сетовал Гвиччардини, было нарушено нашествиями соседних держав. В XVII в. европейское равновесие оказалось подорвано подобной же борьбой за гегемонию с дальнейшим вытягиванием в нее всего мира. С определенными поправками такое маятниковое движение, при котором попытки установления равновесия перемежаются всплесками гегемонии одного из сильных претендентов — сначала Испании, затем Франции, Голландии, Англии и т.д., продолжается до XX в., а отчасти воспроизводится и до нашего времени. Для Гвиччардини и его современников утрата былого политического равновесия ассоциируется с концом процветания, о котором он пишет в самом начале процитированной первой главы своей «Истории»: «С тех пор как Римская империя, ослабленная упадком древних нравов, стала утрачивать свое величие, достигнутое удивительным сочетанием доблести и счастья, — а тому уж более тысячи лет — Италия никогда не пребывала в таком цветущем состоянии и благоденствии, как в тысяча четыреста девяностом году от Рождества Спасителя, как и в годы, предшествующие и следующие за ним.

Повсюду царили мир и спокойствие, самые скудные почвы и земли, устилающие холмы, возделывались так же, как и плодородные равнины: страна, неподвластная никакой чужой воле, изобиловала жителями, изделиями человеческих рук и богатствами. Украшенная великолепием множества государей, блеском многочисленных прекрасных и славных городов, престолом религиозного благочестия, Италия могла гордиться превосходными правителями государств, выдающимися учеными и художниками во всех областях наук и полезных искусств; она не уступала современникам и в воинской доблести, и благодаря всем своим достоинствам повсеместно пользовалась заслуженной славой и уважением»³³. Общеизвестно, что для Италии наступали тяжелые времена: утрата независимости, угасание Возрождения, в дальнейшем некоторый экономический спад. Однако в искусстве на смену Ренессансу пришло барокко, Католическая реформа также стала ответом на «вызов» протестантизма, а о политическом упадке можно говорить с долей условности, поскольку Италия, как говорилось выше, и до этого постоянно была театром военных действий, почти всегда приманкой для соседей, ареной внутренних конфликтов. С конца римской эпохи она находилась то под властью варваров, то германских императоров, с какого-то времени соперничавших за главенство с папством; затем, после Итальянских войн, пришли испанцы, но это не был гнет людей, чуждых по религии и крови, притеснявших местных жителей и жестоко их эксплуатировавших. Это, конечно, не отменяет горечи несвободы, но все же заставляет делать оговорки, связанные с тем, что прямой протекторат испанцы осуществляли лишь над королевствами Сицилии и Неаполя и Миланом, Тоскана и Генуя сохраняли некоторую автономию, Венеция и вовсе была независимой, а авторитет папы как главы Католической церкви оставался незыблемым. Другое дело, что тогда наступила эпоха гражданских наций и, иными словами, в иной системе координат — эпоха капитализма, поэтому можно констатировать, что Италия, которая на закате Средневековья стала фактически первой в этой эволюции, в том числе в отношении национального самосознания, была обречена затем на отставание. Но политическая раздробленность, которая

³² Гвиччардини Ф. История Италии. Т. 1. М., 2018. С. 6 (кн. I, гл. 1).

³³ Там же. С. 4–5.

существовала и раньше, и относительная несамостоятельность не мешали дальнейшему культурному развитию, может быть, не столь блестящему, как в эпоху Ренессанса, но интенсивному вплоть до XVIII в., ведь не зря при Петре I русские ездили учиться в Италию.

Позднее прозвучали слова о том, что Италия стала жертвой своего культурного расцвета, который привлек варваров, и они сокрушили ее политические и социальные устои. В своей книге о Дж. Вазари А.К. Дживелегов, говоря об эстетической природе Возрождения³⁴, приводит слова из сонета Винченцо да Филикайя, написанные в XVII в.:

«Италия! Италия!.. О ты,
Кому судьба жестокая послала
Дар гибельной чудесной красоты
И на челе проклятье начертала!
О, если бы красой не так блистала,
Но более сильна была бы ты,
Врагов своих ты меньше бы прельщала
И не была добычей пустоты!»³⁵

А.К. Дживелегов так комментирует это стихотворение: «Во времена Вазари никто не считал красоту “злополучным даром или роковым приданым бесконечных бед”. И варваром был бы провозглашен всякий, кто бы пожелал Италии быть “менее прекрасной”, хотя бы даже ценой того, чтобы она стала “более сильной”»³⁶. Приведенные выше размышления Гвиччардини, очевидно, до некоторой степени опровергают это утверждение: хотя он прямо не сетует по поводу чрезмерной привлекательности своей родины, условия ее процветания он прямо выводит из наличия в ней «множества республик», без которого культурный и экономический расцвет оказался бы невозможным. А множество «республик» делало страну уязвимой для соседей.

Подводя итоги, можно сказать, что Италия политически ослабла и в значительной степени подпала под чужеземное владычество. Католицизм остался национальной религией итальянцев, проявив большую жизнеспособность, он стал распространяться на другие регионы и континенты (Азию, Африку, Латинскую Америку), сохранился в Испании, во Франции,

³⁴ «Красота царила, все собой проникала, благоговейно культивировалась, а страна гибла. Не существовало ли между этими двумя фактами какой-либо связи? И не было ли в гегемонии красоты фатального преувеличения? Не действовали ли эстетические критерии — иногда, а может быть, и часто — в ущерб другим?

Когда у кардинала Фарнезе шла беседа, увековеченная Вазари, об этом еще не думали, но через сто лет или чуть позже кое-кому станут видны губительные плоды, взращенные культурой красоты, сомнение начнет закрадываться в умы, и Винченцо Филикайя бросит своей родине страстную жалобу». *Дживелегов А.К.* Вазари и Италия // Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М.; Л., 1933. С. 19.

³⁵ Часть стихотворения в переводе М. Рудневича, впервые опубликованного в статье: *Рудневич М.* Поездка из Неаполя в Поццуоли // Шехеразада. 1859. № 17. С. 539–552. Полный итальянский текст:

Italia, Italia, o tu cui feo la sorte
Dono infelice di bellezza, ond' hai
Funesta dote d'infiniti guai
Che in fronte scritti per gran doglia porte;
Deh fossi tu men bella, o almen più forte,
Onde assai più ti paventasse, o assai
T'amasse men chi del tuo bello ai rai
Par che si strugga, e pur ti sfida a morte!
Che or giù dall'Alpi non vedrei torrenti
Scender d'armati, né di sangue tinta
Bever l'onda del Po gallici armenti;
Né te vedrei, del non tuo ferro cinta,
Pugnar col braccio di straniere genti,
Per servir sempre o vincitrice o vinta.

URL: http://az.lib.ru/f/flikajja_w/text_1683_83_sonet.shtml (дата обращения: 20.08.22). Там же шесть вариантов русского перевода.

³⁶ *Дживелегов А.К.* Вазари и Италия... С. 20.

отчасти в Германии, Венгрии, Польше, проник и в Россию (на Украину). Государственность того типа, который существовал до XVI в., в Италии по-прежнему присутствовала большей частью под протекторатом империи и Испании; в разных формах ее представляли папский Рим, Великое герцогство Тосканское, Венецианская (и Генуэзская) республики.

Но в Новое время империя, позднее в качестве австро-венгерской, стала своего рода «инкубатором» национальных государств. Это отчасти относится и к Италии, поскольку Испания в XVI–XVII вв. может претендовать на роль своего рода империи. Т. Кампанелла грезил о всемирной испанской монархии, но в Италии испанское владычество, прямое или косвенное, не сыграло объединяющей роли. Папство оставалось помехой объединению почти до конца XIX в., разделение страны было прежним.

Можно спорить о том, что является условием выживания народа, нации — государство, вера или культура в целом (т.е. язык, историческое и художественное наследие, устоявшийся образ жизни — не говорю о физическом выживании, которое, бесспорно, необходимо). Я полагаю, что ни один из этих важных элементов не является абсолютно определяющим и неотъемлемым, хотя культурной составляющей, видимо, следует отдавать приоритет.

В Италии на рубеже Нового времени складывание нации затормозилось, потому что в политическом и религиозном отношении она осталась на прежних позициях, сложившихся в Средние века. Но феномен Возрождения по форме универсальный, исторически же (прото)национальный, совпавший с созданием общетальянской культуры на основе тосканской литературы и общения-соперничества многочисленных государств, стал залогом будущего национального объединения.

Библиография

- Арендт Х.* О революции. М., 2011.
- Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.
- Вазари Д.* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М.; Л., 1933.
- Венедиктов А.В.* Избранные труды по гражданскому праву. Т. 2. М., 2004.
- Выготский Л.С.* Психология развития человека. М., 2005.
- Гвиччардини Ф.* Сочинения / под ред. А.К. Дживелегова. М.; Л., 1934.
- Гвиччардини Ф.* История Италии: в 2-х т. М., 2018.
- Де Санктис Ф.* История итальянской литературы. Т. 2. М., 1964.
- Еллинек Г.* Право современного государства. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1908.
- Компани Д.* Хроника событий, случившихся в его время. М., 2015.
- Коннелл У.Дж.* Когда Макиавелли написал «Государя»: хронология начала и окончания работы // Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны. М., 2013. С. 43–73.
- Мунд С.* Описание Новгорода и Пскова в мемуарах Voyages et ambassades рыцаря Гильберта де Ланнуа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 7. С. 47–50.
- От патримониальной монархии к публично-правовому государству в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н.А. Хачатурян // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Вып. 10 (96).
- Понятие государства в четырех языках / под ред. О.В. Хархордина. СПб., 2002.
- Рудневич М.* Поездка из Неаполя в Поццуоли // Шехеразада. 1859. № 17. С. 539–552.
- Рутенбург В.И.* Титаны Возрождения. СПб., 1991.
- Сказкин С.Д.* Очерки по истории западно-европейского крестьянства в средние века. М., 1968.
- Bondanella P.* Francesco Guicciardini in Modern Critical Literature // Annali d'Italianistica. 1984. Vol. 2. P. 7–18.
- Călina N., Grozoiu L.M.* On Francesco Guicciardini's Thought and Some of his Considerations on Machiavelli // Athens Journal of History. 2021. Vol. 7. P. 257–268.
- Cutinelli-Rendina E.* Guicciardini Francesco // Enciclopedia machiavelliana. Roma, 2014. P. 685–694.
- Guicciardini F.* Opere / a cura di R. Palmarocchi. Vol. VIII. Scritti politici e Ricordi. Bari, 1933.
- Inglese G.* Per Machiavelli. L'arte dello stato, la cognizione delle storie. Roma, 2006.
- Machiavelli N.* Lettere familiari / ed. E. Alvisi. Firenze, 1883.
- Machiavelli N.* Il Principe / a cura di L. Firpo. Torino, 1972.
- Machiavelli N.* Tutte le opere / a cura di M. Martelli. Firenze, 1971.

References

Arendt Kh. O revolyutsii [On revolution]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Batkin L.M. Ital'yanskoe Vozrozhdenie v poiskakh individual'nosti [Italian Renaissance in Search of Individuality]. Moskva, 1989. (In Russ.)

Compagni D. Khronika sobytij, sluchivshikhsya v ego vremya [Chronicle of events that happened in his time]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Connell W.J. Kogda Machiavelli napisal "Gosudarya": khronologiya nachala i okonchaniya raboty [When Machiavelli wrote The Prince: A Chronology of the Beginning and Ending of the Work] // *Perechityvaya Machiavelli. Idei i politicheskaya praktika cherez veka i strany* [Rereading Machiavelli. Ideas and Political Practice Across Centuries and Countries]. Moskva, 2013. S. 43–73. (In Russ.)

De Sanctis F. Istoriya ital'yanskoj literatury [The History of Italian Literature]. T. 2. Moskva, 1964. (In Russ.)

Ellinek G. Pravo sovremennogo gosudarstva [The Law of the Modern State]. 2-e. izd. T. 1. Sankt-Peterburg, 1908. (In Russ.)

Guicciardini F. Sochineniya [Works] / pod red. A.K. Dzhivelegova. Moskva; Leningrad, 1934. (In Russ.)

Mund S. Opisanie Novgoroda i Pskova v memuarakh "Voyages et ambassades" rytsarya Gil'bera de Lannua [Description of Novgorod and Pskov in memoirs "Voyages et ambassades" of the knight Gilbert de Lannoy] // *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki* [Old Russia]. 2002. № 7. S. 47–50. (In Russ.)

Ot patrimonial'noj monarkhii k publichno-pravovomu gosudarstvu v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremya [From patrimonial monarchy to the public-law state in Western Europe in the Middle Ages and Early Modern Age] / pod red. N.A. Khachatryan // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya"* [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2020. Vyp. 10 (96). (In Russ.)

Ponyatie gosudarstva v chetyrykh yazykakh [The Notion of State in Four Languages] / pod red. O.V. Kharkhordina. Sankt-Peterburg, 2002. (In Russ.)

Rudnevich M. Poezdka iz Neapolya v Potstsuoli [Journey from Naples to Pozzuoli] // *Shekherazada* [Scheherazade]. 1859. № 17. S. 539–552. (In Russ.)

Rutenburg V.I. Titany Vozrozhdeniya [Titans of the Renaissance]. Sankt-Peterburg, 1991. (In Russ.)

Skazkin S.D. Ocherki po istorii zapadno-evropejskogo krest'yanstva v srednie veka [Essays on the History of the Western European Peasantry in the Middle Ages]. Moskva, 1968. (In Russ.)

Vazari D. Zhizneopisaniya naibolee znamenitykh zhivopistsev, vayatelej i zodchikh [Biographies of the most famous painters, sculptors and architects]. Moskva; Leningrad, 1933.

Venediktov A.V. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu [Selected works in civil law]. T. II. Moskva, 2004. (In Russ.)

Vygotskij L.S. Psikhologiya razvitiya cheloveka [Psychology of Human Development]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Bondanella P. Francesco Guicciardini in Modern Critical Literature // *Annali d'Italianistica*. 1984. Vol. 2. P. 7–18.

Călina N., Grozoiu L.M. On Francesco Guicciardini's Thought and Some of his Considerations on Machiavelli // *Athens Journal of History*. 2021. Vol. 7. P. 257–268.

Cutinelli-Rendina E. Guicciardini Francesco // *Enciclopedia machiavelliana*. Roma, 2014. P. 685–694.

Guicciardini F. Opere / a cura di R. Palmarocchi. Vol. VIII. Scritti politici e Ricordi. Bari, 1933.

Inglese G. Per Machiavelli. L'arte dello stato, la cognizione delle storie. Roma, 2006.

Machiavelli N. Lettere familiari / ed. E. Alvisi. Firenze, 1883.

Machiavelli N. Il Principe / a cura di L. Firpo. Torino, 1972.

Machiavelli N. Tutte le opere / a cura di M. Martelli. Firenze, 1971.